

УДК 124.5

**КОННОТАТИВНЫЕ СМЫСЛЫ КОНЦЕПТА «ПАМЯТЬ»
(НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ И.А. БУНИНА И А.И. КУПРИНА)****CONNOTATIVE MEANINGS CONCEPT "MEMORY"
(ON THE BASIS OF TEXTS OF I. A. BUNIN AND A. I. KUPRIN)****Н.В. Попиль
N.V. Popil***Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85**Belgorod National Research University, 85, Pobeda Str., Belgorod, 308015, Russia**E-mail: fi-al-ka@yandex.ru*

Аннотация. В статье анализируется коннотативно-смысловое пространство концепта «Память» в текстах И.А. Бунина и А.И. Куприна, которое выступает как репрезентант русской культуры и формирует оценочные, ассоциативно-образные и эмотивные компоненты текста.

Abstract. The article analyzes the connotative meaning-core "Memory" concept in the texts I.A. Bunin and A.I. Kuprin, which acts as a representant of the Russian culture and generates estimates, associative-figurative and emotive component text.

Keywords: concept, memory, religious memory, connotation.

Ключевые слова: концепт, память, религиозная память, коннотация.

Введение

В рамках данной статьи репрезентируется коннотативное поле концепта «Память» в произведениях И. А. Бунина и А. И. Куприна.

Понятие *концепт* является основной категорией когнитивной лингвистики и позволяет изучать связь языка, сознания и культуры, а также особенности ментального мира человека, отражённые в национальном языке. В связи с этим концепт как ментальная единица может быть описан через анализ средств его языковой объективации [1, с. 9].

Следует отметить, что понятие *концепт* сложно и многогранно, вследствие чего в сферу представления природы концепта вовлечены гетерогенные элементы, несущие в составе своего значения сему, заявленную данным концептом, которая актуализирует дополнительные значения и носит субъективный, ассоциативный характер. Экспликация дополнительных эмоциональных, оценочных и экспрессивных значений проявляется через призму коннотативного компонента лексемы.

Под *коннотативным компонентом* значения слова в лингвистике понимается дополнительная информация по отношению к его семантическому значению, связанная с характеристикой ситуации общения участников акта общения, определенного отношения участников акта общения к предмету речи, и друг другу, т. е. «*коннотация* – это часть системного значения языкового знака» [2, с. 89].

Говоря о коннотативном аспекте семантики слова, В.Н. Телия акцентирует внимание на том, что «коннотация – семантическая сущность, узуально илиokkaзионально входящая в семантику языковых единиц и выражающая эмотивно-оценочное и стилистически маркированное отношение субъекта речи к действительности при её обозначении в высказывании, которое получает на основе этой информации экспрессивный эффект» [3, с. 5].

Основной же функцией коннотации является функция воздействия, а «само это воздействие достигается путём сообщения собеседнику о некоторой важности для адресата ценности того элемента действительности или ее фрагмента, о котором идет речь», следовательно коннотация – это не только средство экспрессивной окраски номинативных единиц, особый макрокомпонент значения, но и способ выражения оценки [3, с. 21].

Мотив для коннотации, по мнению В.Н. Телии, создаётся «разного рода пресуппозициями – отсылками к определённом тексту или конситуации, в которой зародилось то или иное смысловое восприятие обозначаемого данного выражения, вызывающее эмотивное отношение к этому обозначаемому и у субъекта речи, использующего это выражение» [3, с. 66].

Рассматривая спорные вопросы семантики, Н. Ф. Алефиренко отмечает, что с экспрессивной окраской номинативных единиц языка связана коннотация [4, с. 161], а *пропозицию* автор называет «важнейшим механизмом формирования смыслового содержания» концепта, «поскольку именно она опирается на оценочно-ценностные ориентиры человеческого мышления» [5, с. 59].

Так, пропозицией формирования смыслового содержания концепта «Память» в прозаических текстах И. А. Бунина и А. И. Куприна являются религиозные, социальные и бытовые обряды и ритуалы, что и позволяет считать данный концепт одним из универсальных концептов в языке и культуре русского народа.

Основная часть

Исследование концепта «Память» как ключевого понятия лингвокультурологии зиждется на исследованиях Е. С. Кубряковой, посвящённых концептуальному анализу лексемы «память». Автор указывает на явную связь памяти и языка, где «когнитивная карта слова» рассматривается как «отражение наиболее употребительных контекстов слова» и «констатация всех направлений, по которым идут семантические преобразования слова», как «рекомендация к более полному лексикографическому представлению значений слова» [6, с. 89].

Философские основы данного концепта рассматриваются в работах М.А. Дмитриховской, в которых проводится параллель между памятью, восприятием, сознанием и мышлением [7, с. 78–85].

Оперируя понятием «культурная память», Ян Ассман акцентирует внимание на том, что память необходимо рассматривать в аспекте культурологии как категорию культуры, отводя памяти роль ключевого социокультурного конструкта в социальной стратегии, так как невозможно сохранение национальных традиций, символов и ритуалов современного социума индивидуально, личностно, вне коллективной идентичности [8, с. 89–90].

Так, действительность, которую личность включает в память, может эксплицитно или имплицитно отражаться в тексте посредством языка, коннотаций, семантических и перцептивных преобразований слов, организуя тем самым особое восприятие и толкование того или иного социокультурного концепта.

Рассматривая коннотативное пространство лирикопрозаического текста, Е.Г. Озерова отмечает, что различные коннотативные значения соотносятся с ментальной деятельностью. Такое взаимодействие, по мнению автора, проявляется в культурно-ценностном воздействии на чувственно-ассоциативную и эмоциональную природу восприятия смысловых вариаций, ведь в процессе познания действительности человек устанавливает параллели, проводит ассоциации, выявляет закономерности наблюдаемых явлений, что обуславливает наличие связи этнокультурной коннотации с такими семантическими категориями, как ценностность, оценочность, эвалюативность и экспрессивность. Такие когнитивные процессы и способствуют порождению субъективных смысловых вариаций автора, которые получают отражение в тексте [9, с. 114].

Так, анализ художественных текстов И. А. Бунина и А. И. Куприна и исследование таких коннотативных аспектов, как оценочность, эмоциональность, экспрессивность, ассоциативно-образный компонент, позволили выделить наиболее значимые смысловые группы концепта «Память»:

1) ассоциативная память, 2) автобиографическая память, 3) религиозная память, а) поминальная память, б) память-песнопения, 4) моральная память, 5) память-восхищение, 6) материализованная память, 7) память о любви, 8) память как психофизиологическое состояние, 9) память-кадр.

Более подробно рассмотрим смысловую группу *религиозная память* концепта «Память».

Экстралингвистическую информацию о данном феномене содержит философский словарь: «память – это способность когнитивной системы живых существ кодировать и сохранять информацию при участии, как правило, высших когнитивных процессов» [10].

В социологии память – социальная функция, выступает в виде исторической памяти, неразрывно связана с историческим сознанием. Эвристическая ценность терминоконцепта «память» заключается в его богатейших потенциях, обусловленных именно тем, что память относится одновременно к разряду социокультурных и культурно-языковых феноменов. Внутри же самого концепта «память» наблюдается явление осмоса, т.е. взаимного влияния и проникновения языковых, культурных, психологических, исторических и социально-философских планов [11, с. 50–53].

Словарь же В.И. Даля даёт несколько иную интерпретацию: «память – способность помнить, не забывать прошлого; свойство души хранить, помнить сознание о былом. Память внешняя – безотчётное знание наизусть затверженного; память внутренняя – усвоение себе навсегда духовных и нравственных истин» [12].

Таким образом, понятийное ядро «память» – это не только часть когнитивной системы, кодирующая информацию, но и свойство души, хранящее духовные и нравственные истины. Данные определения позволяют нам рассматривать смысловую группу религиозная память концепта «Память» в одном концептуальном ключе.

«Религиозная память» моделируется как проявление церковных, богослужебных, православных канонов, а также обрядовых действий и включает лексемы: «память», «религия», «душа», «дух», «помин», «ритуал», «обряд», «канон», «богослужение», «Бог», «православие», которые являются неотъемлемой частью православного похоронного ритуала. (ср.: у Н.А. Брагиной «ритуальная память связана с идеей инобытия, жизни после смерти, социальной вечности (...). Она соотносится с исторической памятью, с коммеморативными практиками». [13, с.22]); «поминальная память» эксплицируется понятиями «память» и «поминки», «память-песнопения» интерпретируется нами как ситуация, при которой память воспевается в песне или сама становится песней. Следует отметить, что в контексте произведений рассматриваемых авторов смысловое восприятие лексических единиц *память – песня – «Вечная память»* (песнопение, используемое в православном богослужении для торжественного поминовения усопших) является синонимичным.

Помимо эксплицитных, достаточно частотно в текстах анализируемых авторов представлены имплицитные или контекстуально обусловленные лексические единицы и сочетания, которые создают атмосферу и порождают восприятие религиозной памяти: «хоровое пение», «кортеж», «дубовый гроб», «открытый гроб», «пахучий кадильный дым», «священник», «дьячок», «телеги с венками».

«Откуда-то издали уже слышится хоровое пение приближающегося кортежа: – Несут! Кортеж приближается. Впереди идут крестьяне, несущие на древках полотнище, на котором начертано: «Лев Николаевич, память о том добре, которое ты делал нам, никогда не умрёт в нас, осиротевших крестьянах Ясной Поляны». За ними – простой дубовый гроб, который несут на руках открытым. Ещё дальше три телеги с венками...» (И. А. Бунин. «Освобождение Толстого»).

В данном контексте описан православный похоронный ритуал. Символичным является то, что гроб «несут на руках открытым», так как, согласно религиозной традиции православных, особо чтимых умерших (Н.П. Лев Николаевич Толстой) несут на руках до самого кладбища в открытом гробу.

Кроме того, неотъемлемой частью данного обряда является похоронная процессия («кортеж», «хоровое пение»). Происходящее действие подчёркивает и соответствующая лексика: «древки», «полотнища», «начертано», «дубовый гроб», «три телеги», «венки». Вокруг «словаконструкта» память (термин Н. Г. Брагиной) формируются коннотативно окрашенные высказывания по моделям: память о чём-либо никогда не умрёт в ком-либо («память о том добре, которое ты делал нам, никогда не умрет в нас»).

Рассматривая прецедентное имя как отражение духовности в дискурсе русского лирикопрозаического текста, Е.Г. Озерова отмечает, что тексты русской лирической прозы пронизаны духовной традицией и религиозной историей. А неразрывную связь между живыми и мёртвыми эксплицирует молитва об упокоении крещёных предков, имена которых передаются из поколения в поколение, следовательно, *память о Тебе в род и род* [9, с. 292].

«Железнодорожники убрали его ложе ветками можжевельника и возложили первый венок с трогательной надписью: «Апостолу любви». Потом стали приходить крестьяне из соседних деревень, деревенские школьники; многие родители приводили детей, чтобы они видели и всю жизнь вспоминали потом лицо великого защитника всех трудящихся и обремененных... – В полдень организовали первую гражданскую панихиду. Толпа пела «вечную память»... – На другой день гроб поставили в товарный вагон, убранный соломенными венками и хвойными ветками, и поезд, переполненный родными и близкими, друзьями и поклонниками, представителями печати и общественности, медленно тронулся... «Приехав в день похорон в Ясную Поляну с журналистом Поповым, – писал в «Русских ведомостях» поэт Брюсов, – мы пошли к усадьбе пеишком... Вот фруктовый сад, насаженный Толстым, вот крытая аллея, где он любил сидеть, отдыхать, а вот и рощица, где вырыта для него могила...» (И. А. Бунин. Освобождение Толстого).

В представленном контексте описывается похоронный обряд, в котором символическими являются такие действия, как организация панихиды (моление об умерших), пение «вечной памяти», не случайно и то, что «ложе» умершего устлали «ветками можжевельника», а «гроб поставили в товарный вагон», также «убранный хвойными ветками». Разбрасывание еловых

или можжевельных веток у жилища умершего, согласно поверьям, создаёт препятствие в виде иголок, которые будут колоть ступни, если умерший пожелает вернуться.

Описание усадьбы, на первый взгляд, создаёт ощущение реальности происходящего («**Вот фруктовый сад, насаженный Толстым, вот крытая аллея..., а вот и рожица**»), однако глаголы прошедшего времени репрезентируют воспоминания («...аллея, где он **любил сидеть, отдыхать**»). Данный эффект достигается благодаря пространственному дейксису (характеристике предмета по степени его пространственной близости к говорящему, выражаемому указательными местоимениями *тот, этот*, частицами *вот, вон*, местоименными наречиями *здесь, там, сюда, туда, отсюда, оттуда*).

Такая память концептуально связана со смертью, ритуалом, похоронами и может выражаться с помощью дериватов: *ветки – венок – венки, вспоминать – память*; а также религиозной лексикой: *Апостол, панихида, «Вечная память», гроб, похороны, могила*.

Следует отметить, что в данном примере использован приём «рекуперации» (термин Е. Г. Озеровой), которая «обуславливается тем, что в процессе порождения текста проходит наполнение дискурса новой энергией чувств и мыслей, исходящей от воспоминаний о прошедших этапах жизни. В итоге процесс порождения текста сопровождается наполнением новой энергетикой воспоминаний о прошедших фрагментах жизни» [14, с. 137].

«Ах, говорится в записках, **как ужасно металась и была эта собачонка вокруг трупа и какую лютую ненависть приобрела она после этого ко всем красноармейцам! Я прочел это с ужасом и восторгом, и вот молю Бога, чтобы Он до моего последнего издыхания продлил во мне подобную же собачью святую ненависть к русскому Каину. А моя любовь к русскому Авелю не нуждается даже в молитвах о поддержании ее. Пусть не всегда были подобны горному снегу одежды белого ратника, да святится вовеки его память! Под триумфальными воротами гальской доблести неугасимо пылает жаркое пламя над гробом безвестного солдата. В дикой и ныне мертвой русской степи, где почит белый ратник, тьма и пустота. Но знает Господь, что творит» (И. А. Бунин. Миссия русской эмиграции).**

В контексте «религиозная память» представлена лексическими единицами: «молить», «молитвы», «Бог», «Господь», «гроб»; старославянизмами: «ворота», «ныне», «почит», «безвестный», «ратник»; антонимическими конструкциями «ненависть к Каину» – «любовь к Авелю»; синонимическими единицами «Бог» – «Господь». Фразеологические сочетания «до моего последнего издыхания», «да святится вовеки его память!» придают высказываниям религиозный подтекст и поэтическую окрашенность. Ср.: «Отче наш, суций на небесах! Да святится имя Твое... во веки. Аминь» (Новый завет. Святое благовествование от Матфея, Гл.: 6:9, 13)

«Над полями тянутся низкие тучи, дует сырой ветер. Но священник и дьячок стоят с обнажёнными головами. А входя в церковную ограду, обнажают головы и корнет и начальник станции, следующий позади всех и спокойным видом своим дающий понять, что идёт он только ради вежливости. Сзади всех, спокойно и вежливо, стоит он и тогда, когда начинает развеваться по ветру пахучий кадыльный дым над страшными кирпичными могилами и обходит их, кадя и поклоняясь, возглашая вечную память князю и рабу его, священник. Корнет молится рассеянно. Он, юный, красиво наряженный, выставляет острое колено, крестится мелкими крестиками и склоняет маленькую головку с той не доведённой до конца почтительностью, с которой кланяются святым и прикладываются к ним люди, мало думающие о святых, но все-таки боящиеся испортить свою счастливую жизнь их немилостью». (И.А. Бунин. Иоанн Рыдалец).

В данном контексте модель когнитивной памяти раскрывает деривационная структура исследуемого концепта: священник – святой, креститься – крестик, кадыльный – кадить; кроме того, атмосферу обрядовости передаёт религиозная лексика: священник, дьячок, могила, молиться, креститься, крестик; образы-символы: церковь – храм божий, символизирующий веру. Перед ним равны все: и церковнослужители и миряне («Но священник и дьячок стоят с обнажёнными головами. А входя в церковную ограду, обнажают головы и корнет и начальник станции»).

Контекстуальная антитеза эпитетов пахучий – кадыльный дым, страшные – кирпичные могилы – содержит следующую когнитивную информацию: в культуре православных кадыльница означает человеческое естество Иисуса Христа, уголёк в ней – Его Божеское естество, а кадыльный дым – символ Святого Духа. Могила же – место захоронения, символ смерти. Историки отмечают, что изначально захоронения проводились не столько из-за заботы о мертвце или его душе, сколько из-за страха перед покойником. Специфика похоронных обрядов мотивировалась стремлением предотвратить возвращение мертвца к живым. Неслучайно и то, что «страшные кирпичные могилы» обходит священник – посредник между Богом и людьми, символ Христа, «возглашая вечную память князю и рабу его». Ср.: «Во блаженном успении вечный покой подаждь Господи, усопшим рабам твоим, и сотвори им вечную память» (См.: «Вечная память»).

«Поминальную память» можно определить как подвид религиозной памяти, в котором понятия «память» и «поминки» (похоронный обычай) являются синонимичными.

Ср.: **«Все полы и стёкла были в нём вымыты, всюду было прибрано и настезь раскрыты окна на солнце и воздух. Едва переступив порог зала, где были расставлены и убраны столы для поминального обеда, я тотчас же опять встретил тот ужасный, ни на что в мире не похожий запах, который всё утро сводил меня с ума возле гроба. (...) Всё же как ужасен был этот долгий и грубо обильный обед, который то и дело прерывали своими уже нескладными, хмельными голосами причетники, встававшие и умилённо певшие вечную память непонятному существу, только что зарытому ими в землю за церковью!»** (И. А. Бунин. Жизнь Арсеньева. Юность).

Описываемые события являют собой не что иное, как похоронный поминальный обряд. Этот обряд сопровождается определёнными действиями. Во-первых, согласно устоявшейся традиции православных похорон, дом, в котором находится покойный, обязательно должен быть убран и вымыт: **«Все полы и стёкла были в нём вымыты, всюду было прибрано»**. Во-вторых, по окончании похорон (**«...существу, только что зарытому ими в землю за церковью!»**) совершается поминальный обряд – «поминки», который заключается в том, что в память об умершем устраивается угощение – поминальный обед: **«расставлены и убраны столы для поминального обеда»**. И, наконец, в-третьих, в «поминки» входят также траурные процессии и оплакивание: **«долгий и грубо обильный обед, который то и дело прерывали своими уже нескладными, хмельными голосами причетники, певшие вечную память»**.

Таким образом, поминальная память может выражаться с помощью дериватов: поминальный, память, а также слов гроб, причетники (низший служитель в православной церкви), церковь, зарыть, являющихся не только обязательными элементами похоронного поминального обряда, но и его символами. Гроб, например, – символ «нового» или «вечного» жилища умершего, а церковь – символ веры.

«Память-песнопения» интерпретируется нами как ситуация, при которой память воспевается в песне или сама становится песней.

«В сумерки опять растворяются двери дома. И тихо, медленно выносят гроб. Несут сыновья. Кто-то начинает «вечную память». Пение подхватывается всей толпой, даже теми, кто никогда в жизни не пел. В эту минуту этот хор – Россия. – На колени!» (И.А. Бунин. «Освобождение Толстого»).

«Пропели «Вечную память», задули свечи, и синие струйки растянулись в голубом от ладана воздухе. Священник прочитал прощальную молитву и затем, при общем молчании, зачерпнул лопаточкой песок, поданный ему псаломщиком, и посыпал крестообразно на труп сверж кисей (...) До самого кладбища проводили девушки свою умершую подружку» (А. И. Куприн. «Яма»).

В данных контекстах «вечная память» – это песнопение, обычно исполняемое хором и используемое в православном богослужении для торжественного поминовения усопших (**«Кто-то начинает «вечную память». Пение подхватывается всей толпой»** (И.А. Бунин) / **Пропели «Вечную память»** (А.И. Куприн)).

Согласно экстралингвистической информации, похороны – это таинство, не терпящее суеты и шума, вот почему гроб выносят **«тихо, медленно»** (И.А. Бунин); а похоронный обычай совершают **«при общем молчании»** (А.И. Куприн). Следовательно, смысловое наполнение рассмотренных контекстов позволяет в концептосферу «Память» включить «память-песнопения».

Такая память может выражаться с помощью дериватов: пение, пропеть, петь; синонимических рядов: толпа – хор, ассоциативных рядов: «вечная память» – пение, пение – хор; а также лексики, являющейся не только неотъемлемым атрибутом похоронного ритуала (гроб, свеча, ладан, священник, молитва, псаломщик), но и образами-символами, вносящими в художественный текст эффект натуралистичности происходящего:

свеча, согласно православным канонам, – символ молитвы, своеобразный светильник для человека, знак духовного стремления к Богу (**«Никогда не совершается у нас богослужения без светильников, – говорил Тертуллиан, – но мы употребляем их не для того только, чтобы разгонять мрак ночи, – Литургия совершается у нас при свете дневном; но для того, чтобы изобразить чрез это Христа – свет несотворенный, без которого мы и среди полдня блуждали бы во тьме»** (Тертуллиан)) [15, с. 237];

ладан – вещество для окуривания при культовых обрядах означает дань божеству, очищение, средство общения между человеком и богом, приспособление души к Небесам [15, с. 142];

молитва – символ веры, своеобразный разговор человека с Богом. [16, с. 722]

Как показывает проведённый анализ, в произведениях И. А. Бунина и А.И. Куприна можно выделить следующие коннотативные смыслы: «религиозная память», «поминальная память», «память-песнопения», которые имеют тесную семантическую связь и составляют понятийное ядро «память», под которым мы понимаем не только часть когнитивной системы, кодирующей информацию, но и свойство души, хранящее духовные и нравственные истины. Именно эти

духовные и нравственные истины позволяют рассматривать данные смысловые группы концепта «Память» («религиозная память», «поминальная память», «память-песнопения») в одном концептуальном ключе.

Когнитивные признаки концепта «Память» выявляются и при рассмотрении особенностей языковой объективации смысловых групп данного концепта: дериватов (*креститься – крестики; обнажённые – обнажать; молитва – молиться – молить; церковь – церковный; священник – святой – святость; пение – пропеть – петь; ветки – венок – венки, вспоминать – память – помин, Бог – богослужение*); неполногласий (*врата, возглашать, древки*); церковнославянской лексики («*возглашая вечную память князю и рабу его...*», «*да святится вовеки его память!*», «*и ныне мертвой*», «*почиет*», «*Но знает Господь, что творит*», «*ложе*», «*начертано*» и др.); религиозной лексики (*Авель, Апостол, Бог, венок, Господь, похороны, гроб, дьячок, кадильный дым, Каин, крестик, креститься, могила, молитва, молить, молиться, панихида, святые, священник, причетники, поминальный обед, церковь, «вечная память»* и др.); устаревшей и книжной лексики (*ложе, возложить, издыхание, начертано*) [17]; образов-символов (*свеча, церковь, молитва, ладан, гроб, кадильница, могила*).

Заключение

В заключении отметим, что исследование концепта «Память» в контекстах произведений И.А. Бунина и А.И. Куприна позволяет обозначить жизненные приоритеты, определить оценочно-ценностные и культурно значимые направления духовного осмысления человеком своего социокультурного положения и выявить способы их языковой объективации.

При лингвокогнитивном подходе лексема «память» интерпретируется посредством чувств и эмоций, испытываемых при прочтении текстов, в результате которых приобретаются дополнительные смыслы, способствующие увеличению смыслового поля концепта, репрезентируя совокупность знаний, ценностей, культурной идентичности и индивидуальных особенностей языковой личности.

Обозначенные нами коннотативные смыслы данного концепта являются «продуктом оценочного восприятия и отображения действительности в процессах номинации» [2, с. 21].

Коннотативно-смысловым ядром концепта «Память» в текстах И.А. Бунина и А.И. Куприна выступает культурно-ценностное восприятие основных репрезентантов русской духовно-православной культуры, которые формируют оценочные, ассоциативно-образные и эмотивные компоненты и обогащают концептосферу текста глубинными коннотативными смыслами.

Литература

1. Пименова, М.В. Душа и дух: особенности концептуализации/М.В. Пименова – Кемерово, 2004. – 386 с.
2. Стернин, И.А. Проблемы анализа структуры значения слова /И.А. Стернин – Воронеж, 1979. – 156 с.
3. Телия, В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц/В.Н. Телия – М.: Наука, 1986. – 143 с.
4. Алефиренко, Н.Ф. Спорные проблемы семантики/Н.Ф. Алефиренко – М.: Гнозис, 2005. – 326 с.
5. Алефиренко, Н.Ф. «Живое» слово: Проблемы функциональной лексикологии: монография/Н.Ф. Алефиренко – М.: Флинта: Наука, 2009. – 344 с.
6. Кубрякова, Е.С. «Язык и знание»/Е.С. Кубрякова – М.: Языки славянских культур, 1991. – С. 87-90.
7. Дмитровская, М.А. Философия памяти/М.А. Дмитровская//Логический анализ языка. Культурные концепты. – М., 1991. – С.78-85.
8. Ассман, Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности/Я. Ассман – М.: Языки славянских культур, 2004. – С. 89-90.
9. Озерова, Е.Г. Дискурсивное пространство русского лирикопрозаического текста: Дисс. ... докт. филол. наук / Е.Г. Озерова. – Белгород, 2012. – 403 с.
10. Философия: Энциклопедический словарь/Под ред. А.А. Ивина – М.: Гардарики, 2004.
11. Скоробогатова, Т.И. Терминоконцепт «память» в современном лингвокультурном тезаурусе: исследовательские эвристики / Т.И. Скоробогатова, О.Ю. Суралева // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. XI / под ред. Т.Ю. Тамерьян; Сев.-Осет. гос. ун-т им. К.Л. Хетагурова. – Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2009. – С. 50-53.
12. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В.И. Даль – Т. 3. – СПб, 1966.
13. Брагина, Н.Г. Память в языке и культуре/Н.Г. Брагина – М.: Языки славянских культур, 2007. – 520 с.
14. Озерова, Е.Г. Русский лирикопрозаический текст: дискурсивно-когнитивный аспект: монография / Е.Г. Озерова. – Белгород: Изд-во НИУ «БелГУ», 2012. – 276 с.
15. Бидерманн, Г. Энциклопедия символов: Пер. с нем./Общ. Ред. и предисл. Свенцкой И.С. – М.: Республика, 1996. – 335 с.
16. Новая философская энциклопедия: в 4 т. /Под ред. В.С. Стёпина. – Т. 2.– М.: Мысль, 2010. – 735 с.
17. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов: Под.ред. Л.И. Скворцова. – 27-е изд., испр. – СПб.: «Ленинградское издательство», 2012, – 1358 с.